

мрачноватый и "постмодернистский" характер. На ее платформе объединились реваншисты из нынешних коммунистов, сторонников Зюганова, и так называемые национал-коммунисты или "красно-коричневые", активисты и члены откровенно нацистских групп и движений, а также, придающие этому потоку легитимную окраску, обиженные на отсутствие прежнего внимания очень и очень многочисленные деятели искусства, задававшие тон в советских творческих союзах. Как правило, это писатели и художники, эксплуатировавшие ностальгическую сельскую и народно-историческую тематику. Их идеологическим центром являются журналы "Наш современник" и "Молодая гвардия". Очевидная теоретическая, эстетическая и политическая эклектика позволила объединиться таким довольно разным деятелям как Юрий Бондарев, Владимир Кожин, Василий Белов, Альберт Макашов, Илья Глазунов и т.п. А близко-близко политический и артистический авангард жириновских и лимоновских (Лимонов - автор "Эдички" - уже остался в истории новой русской литературы). Ксенофобия, лжефольклор, воинственная религиозность вкупе с левой сталинско-ленинской демагогией, как показали последние президентские выборы, пользуются огромной популярностью, особенно в "спальных" городах и сельской местности. Эту национально-левую и лево-национальную кампанию (и кампанию) явно или тайно поддерживают бывшая партноменклатура и русскоязычное полумаргинальное население, активнее всего на западных окраинах нашего Отечества и восточных стран СНГ.

В бывших российских провинциях парадоксально уживаются либеральные и "националистические" тенденции. Как у В.Сорокина. Что поделал, таков зачастую уровень "комсомольской" и "профсоюзной" номенклатуры, ныне руководящей в регионах. Имперский патриотизм прикидывается региональным, монархисты краеведами... Местные отделения КГБ пишут книги памяти о незаслуженно репрессированных, цензоры от культуры и литературы радеют за высокое и правдивое великое русское искусство всех народов, населяющих край, как то: балет, драматический театр памяти Станиславского и хор имени Пятницкого, верховодят в дворянских собраниях, казачьих войсках и на открытиях выставок М.Шемякина и И.Глазунова... Космополитическая Москва опозорила звание Третьего Рима, теперь их (Римов) от четырех до шестидесяти на бывшей одной шестой. Империя, состоявшая из постсоветских штатов, превращается в федерацию, состоящую из региональных империй. Но это лишь один из современных маршрутов, запутывающихся, к счастью, среди множества других, а именно: все институты - университеты; все ЛиАЗы - Мерседесы; вместо "Самоцветов" - "Назареты" и так дальше, и все больше.

Еще одна заметная черта ситуации постмодерна в России - бурная криминализация населения, породившая (не только в России) еще неисследованный феномен терроризма как формы массового перформанса, "театра жестокости", искусства вне искусства (с бомбами, минами, взрывчатками и зажигательными смесями) как буквальной материализации постапангардных и постмодернистских приемов. Террористический акт становится для вчерашнего пионера и обывателя, а сегодняшнего маргинала, средством самовыражения (чаще всего средством анонимным), реализации своего личностного и антитворческого потенциала, "режиссерской" упоенностью и "черной" игрой, способом воплощения жажды тоталитарного воздействия на судьбы отдельных людей или даже целых регионов. (В Чечне нечто другое. Хочется думать, что нечто другое... Да уж очень импозантны и обаятельны, как цирковые джигиты, предводители народа Ичкерии и по-завхозовски скучны российские генералы. Но в этой части света действующие лица претендуют на авторство...)

Вот на таком фоне происходит децентрализация российской культуры, своеобразно переплавляющая в себе противоречивые и несовместимые тенденции. Постмодернистский сюжет, несмотря на свою неочевидность для большинства нынешних функционеров от культуры и искусства, верно и медленно осуществляется. Региональные центры все громче и громче заявляют о своей "самости" и "столичности", новые экономические структуры начинают поддерживать несвязанные с Москвой культурные и образовательные проекты и фестивали, в том числе - международные, возникают "неакадемические" театры и галереи, частные салоны и библиотеки,

альтернативные высшие и средние учебные заведения. Вслед за "железным занавесом" и Берлинской стеной - рушится и "Кремлевская культурная" стена. Надеюсь, что и "Цирк "Олимп" (российский вестник современного искусства) и Всемирное общество Бельмана в Самаре, и художественные и популяризаторские акции, организуемые ими (и далеко не только ими), в которых на равных с самарцами без всякой тени снобизма участвовали Л.Рубинштейн и Вс.Некрасов, Г.Айги и К.Скуениекс, В.Тучков и А.Макаров-Кротков, В.Аксенов и Е.Попов - в этом живом, улыбающемся и "бесстенном" пространстве. Этим же "природы" семинар и конкурс молодых литераторов, организуемый негосударственной самарской гуманитарной академией, в программе которого встречи, споры и чтения с участием Е.Рейна, А.Кушнера, М.Айзенберга, Н.Садур и А.Немзера. Ряд можно продолжать, включая в него не только события из области литературы, но и живописи, архитектуры, музыки, кино... Все чаще и чаще в городских вузах читают лекции крупнейшие (не по советским меркам) культурологи и искусствоведы (у них здесь найдется не только слушатели, но и достойные оппоненты), все чаще и чаще и самарские (неофициальные) литераторы, художники, музыканты и ученые приглашаются в столицы и за рубеж, на международные фестивали и конференции... Дай бог в марте 97-го года на "Европейские дни" соберутся в Самаре "разные прочие" шведы, немцы, австрийцы во главе с Г.Айги, Ю.Эбергом и О.Пастиором под предлогом любви к Бельману и ради неформального диалога между авангардом и постмодернизмом, литературой и живописью, музыкой и фотографией, между культурой и искусством.

Многочисленные подобные примеры могли бы привести и "постмодернисты" из других крупных (и не очень) российских городов - Нижнего Новгорода, Перми, Екатеринбург, Саратова... Интересно, что децентрализация культуры осуществляется как бы насквозь. Единая вертикаль переводится в универсальную горизонталь на всех уровнях еще недавнего противостояния: Москва - региональный центр; региональный центр в лице официальных "культурных" институций и "творческих союзов" - независимые художественные группы и объединения, "почвенники-традиционалисты" - "европейцы" и т.д. Каждый из этих субъектов так или иначе стремится навязать публике свой тип культуры, но это навязывание становится все более цивилизованным, добровольным, конкурентным и просто возможным. Рецидивы имперского социализма с умолчаниями, с использованием монопольного права на государственную финансовую и другую металлоемкую протекцию еще нередко случаются (в том числе и в Самаре), но их уже начинают хотя бы стесняться и скрывать.

Совершенно отдельного разговора заслуживают еще две стороны ситуации постмодерна в России - это невероятная и изрядно смешная эволюция массового искусства и сознания, специфическая российская "американизация" бытовой и досуговой культуры и - информационная (компьютерно-виртуальная) горячка, охватившая российскую интеллигенцию и молодежь. Ясно, что все это приметы того же постмодернистского метатекста, которые мне кажется необходимым хотя бы обозначить...

Постмодернизм, соединяя Россию с миром, тем не менее дистанцирует ее (надеюсь, временно) от своих бывших сателлитов в лице ныне независимых республик. Необходимость самостояния и самоидентификация делают культурных лидеров новых стран Центральной Европы слишком серьезными, чтобы естественно принять природу эстетически и национально амбивалентного постмодернизма. Но мы никуда не торопимся, лишь бы по-меньше жертв и настоящей неметафорической крови сопровождало нас на пути в интертекстуальное и преобразованное будущее, где, как в заповеднике, будут охранять право на индивидуальное высказывание и создавать все возможности для реализации этого фантастического по тем временам проекта. После всех инъекций и прививок постмодернизма...

Минск, сентябрь 1996г.

ПРОЗА "ЦИРКА"ОЛИМП"

АРТУР КАНГИН РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Душегуб и грабитель Гаврилов выглянул в окно поезда и был поражен величием ночного пейзажа. Небо переливалось топазами, алмазами и даже изумрудами. Небо вливалось в Гаврилова страшную, неизъяснимую силу. Гаврилов с блаженным ужасом ощутил вечность.

- Господи, как я жил? - возопил он внутренне. - Какие идеалы мракобесия я исповедовал!

Гаврилов вскочил с дивана купе СВ и как волк заметался в проходе. Он задышался от ощущения бесцельно, безобразно прожитой жизни. Ноги Гаврилова сами вынесли его в коридор. Раненым зверем он несколько раз пронесся по коридору, чуть не сбив нерасторопного проводника с хрустальным подносом.

- Как мне жить? - спрашивал он себя, а ноги несли его уже по следующим вагонам.

Сначала он увидел простой купейный вагон и с горечью осознал, как плохо живет наш народ. Когда он увидел плацкартные, а потом общие вагоны - темные и зловонные, с вечно пьяными и зараженными различными венерическими заболеваниями проводниками - то сердце Гаврилова чуть не лопнуло от сострадания к людям.

- И вы все терпите! Милые мои! - лихорадочно шептали его губы. - А я ведь ничего не знал, не ведал. Я только грабил и убивал! Убивал и грабил!..

Гаврилов добежал до головы состава, до паровоза. Он влетел в жарко натопленное помещение, увидел сторбленные и потные спины кочегаров. Пахло угольной крошкой и смазочным материалом. А впереди всей этой гигантской машины, изрыгающей пар и дым, стоял пожилой машинист с мускулистым и чрезвычайно морщинистым лицом. Машиниста звали Кузьмичом.

- Как жить, Кузьмич! - возопил душегуб Гаврилов. - Всю свою поганую жизнь я только грабил и убивал. В жестокости я превзошел самого Чингисхана. И вот сегодня я увидел ночное небо. Впервые! Оно переливалось топазами, алмазами и изумрудами. Я почувствовал вечность. Я почувствовал

необходимость жить по-другому!..

Не отпуская штурвала, Кузьмич свернул козью ножку, аппетитно пыхнул в лицо Гаврилову душистым самосадом.

- Поскудник ты, Гаврилов, слов нет! - хитровато прищурился Кузьмич, собрав воедино тысячи своих добрых морщинок. - Но ведь и исправиться можешь...

- Как? - возопил душегуб Гаврилов.

- Сначала уголек подкинь, а там видно будет..

Гаврилов сорвал с себя бабочку, остроносые лакированные туфли, английскую тройку, скинул, наконец, опостылевшую кобурку с полуавтоматическим пистолетом. Он одел промасленный треух, бушлат и порванные во многих местах ватные штаны.

Никогда он еще не работал с таким веселым остервенением. Он бросал и бросал, бросал и бросал антрацит в жадную пасть печи. Кочегары со сторбленными и потными спинами отошли прочь. Им больше нечего было делать. Гаврилов взял всю работу на свои плечи.

Приблизился рассвет. Паровоз зверем ревел на стрелках. Луна летела сквозь облака, как помешанная. Гаврилов, весь в мыле, держался молодцом. Он травил матерные анекдоты, курил самосад, и бросал и бросал антрацит в жадное чрево печи.

И тогда Кузьмич подошел к Гаврилову, обнял его мощные плечи и сказал буквально следующее:

- Последней сукой ты был, Гаврилов! Падалью! Душил и резал людей ты!.. Но вот теперь исправился и стал умницей. И я теперь могу смело передать тебе свой штурвал. Возьми его в свои мозолистые руки и не выпускай его до конца жизни.

Ничего не сказал на это Гаврилов, а только перенял с трепетом штурвал из дрожащих рук старца и гордо повел огнедышащий поезд навстречу звездам.